

К вопросу о сказках, не учтенных в СУС: сборник Т. И. Тумилевич «Бисеринка» (1985)

Анастасия Сергеевна Лызлова

(Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН:
Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11)

Аннотация. В 2025 г. исполняется сорок лет с момента выхода в свет сборника «Бисеринка», составителем которого является кандидат филологических наук, фольклорист из Ростова-на-Дону Т. И. Тумилевич. Издание появилось после публикации сравнительного указателя сюжетов (СУС), поэтому не входит в перечень учтенных там книг. В научно-популярный сборник, ориентированный на читателей младшего возраста, включены двенадцать сказок, записанных на протяжении тридцати лет во второй половине XX в. (с 1954 по 1984 г.), когда сказки еще можно было услышать в активном бытовании. Тексты соответствуют общерусской сказочной традиции и относятся к нескольким жанровым разновидностям (волшебные, о животных, новеллистические), отличающимся сюжетным своеобразием и языковыми особенностями, закрепленными в прилагаемом к изданию словаре. Многие сказки сборника включают переклички со свадебным обрядом и его атрибутами, а также отражают повседневные занятия донских казаков (прежде всего рыболовство). Тексты содержат уникальные сведения о казачьей праздничной и обыденной одежде, украшениях. В статье предпринимается рассмотрение каждой сказки сборника «Бисеринка» с опорой на сюжетные типы СУС, что может рассматриваться как дополнение указателя, опубликованного свыше сорока пяти лет назад.

Ключевые слова: донская сказочная традиция, Т. И. Тумилевич, сборник, волшебные сказки, сказки о животных, казаки.

Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН.

Дата поступления статьи: 2 декабря 2024 г.

Дата публикации: 25 марта 2025 г.

Для цитирования: Лызлова А. С. К вопросу о сказках, не учтенных в СУС: сборник Т. И. Тумилевич «Бисеринка» // Традиционная культура. 2025. Т. 26. № 1. С. 153–163.

DOI: 10.26158/TK.2025.26.1.012

В свое время виднейший фольклорист В. Я. Пропп, рассматривающий русскую сказку во всем ее многообразии, говорил о том, что собранные на протяжении многих лет сказочные тексты ожидает раз-

ная судьба: одни из них издаются в больших сборниках, другие — в маленьких книгах, а значительная часть оседает в архивах.

Многим фольклористам и ценителям сказок известны крупные собрания, от-

ражающие локальную традицию определенной территории или репертуар какого-либо исполнителя, учтенные при составлении указателя [СУС 1979]. В перечень указателя вошли и некоторые сборники, отличающиеся незначительным объемом и научно-популярным характером. К их числу относятся, например, такие издания: «Заонежские сказки» [Коренной 1918], «Перстенёк — двенадцать ставешков» [Чистов 1958].

Примером небольшого, но яркого сборника, появившегося после выхода СУС, может служить издание «Бисеринка», подготовленное кандидатом филологических наук Т. И. Тумилевич, супругой известного ростовского фольклориста Ф. В. Тумилевича, опубликовавшего несколько книг, отражающих сказочную традицию казаков-некрасовцев [Тумилевич 1945; 1958; 1961]. Сборник «Бисеринка» объединяет двенадцать донских сказок, записанных в течение тридцатилетнего периода (1954–1984): «Бисеринка», «Иван Светильник», «Про сына купца и дочь сапожника», «Ванюша и Баба-Яга», «Про царскую дочь и пастуха», «Свадебный каравай», «Про царскую дочь и козленка», «Танюша и мачеха», «Черная коровушка и Аннушка», «Кот и лиса», «Казак и лиса», «Глупец и жеребец». Книга рассчитана на читателей младшего возраста и посвящена всем любителям сказок, в числе которых внук составителя Федор.

Сборнику предпослано краткое предисловие, обращенное к ребятам, раскрывающее особенности сказок, бытовавших на Дону. В нем сообщается, что на Дон стекались представители разных народов: «...здесь селились украинцы и поляки, турки и греки, немцы и шведы. Но больше всего было русских людей» [Бисеринка 1985, 2]. Про какую-либо адаптированную подготовку текстов к печати речи не идет. Информация о месте записи и исполнителях отсутствует. В качестве вспомогательного научного аппарата используется словарь, отражающий языковые особенности донского говора.

Сборник включает преимущественно волшебные сказки, относящиеся к популярным сюжетным типам, несколько сказок о животных и одну новеллистическую сказку. Такая ситуация в целом характерна для общерусской сказочной традиции, где волшебные сказки, как правило, преобладали над другими жанровыми разновидностями в записях собирателей.

Открывается сборник сказкой, название которой используется в его заглавии. Вариант подобной одноименной сказки был опубликован в 1945 г. [Тумилевич 1945, 45–50 (№ 8)], его сообщил казак-некрасовец Т. К. Петрушин, который «родился в 1872 г. На родину прибыл с первой партией переселенцев. Умер в 1943 г.» [Там же, 116]. Текст соотносится с сюжетным типом СУС 560 *Волшебное кольцо*, краткое содержание его сводится к следующему: «герой выручает из беды собаку, кошку и змею; при помощи кольца, полученного от змеи или снятого с руки спящей красавицы, выполняет задачи царя и женится на царевне; она похищает кольцо, а сама исчезает, заточив мужа в темницу; собака и кошка возвращают ему похищенный предмет» [СУС 1979, 159]. Этот популярный сюжетный тип фиксировался на всей территории России, о чем свидетельствуют данные указателя; первые его публикации относятся к концу XVIII в. в лубочных изданиях. В сказке из сборника Т. И. Тумилевич сохраняется сюжетная схема, отраженная в СУС: сын Иван, получив от матери три копейки, идет на базар за хлебом, но по дороге щадит собаку, кошку и змею и выкупает их за деньги, которые у него имеются. Принеся домой животных и змею, герой получает наказ матери, отражающий народные представления: «Разве можно змею в дом нести? Убей ее — бог тебе сорок грехов простит» [Бисеринка 1985, 4]. Но Иван не следует наказу матери и отпускает змею «на волю, а она человеческим голосом и говорит ему: “Пойдем к моему отцу. Ты меня спас от смерти, он тебе награду даст. Только когда отец станет давать золота, ты не бери, а скажи: “Дай мне бисеринку, что у тебя под языком”. Та бисеринка волшебная: как лизнешь ее, так и будет все, что ни попросишь”» [Там же]. То

есть в данном тексте магическая функция вместо кольца отводится бисеринке, при лизании которой появляются три человека, выполняющие все задания. С их помощью Иван женится на царевне, предварительно справившись с трудными задачами, связанными с постройкой дворца и моста. Когда жена узнаёт секрет мужа и завладевает волшебным средством, то первым делом приказывает помощникам взять кота и собаку вместе с Иваном и доставить их на остров в море. Собака и кот возвращают хозяину бисеринку, и тот повелевает перенести ее во дворец к отцу. Но царь приводит дочь к зятю, однако тот отказывается ее принять обратно. В итоге Иван обращается за помощью к троим людям из бисеринки и отправляет царя с его женой, дочерьми и служанками на остров в океан-море. А сам женится на дочери рыбака.

В тексте неоднократно подчеркивается тема рыболовства, занимающего значительное место в жизни на Дону. Так, сказка начинается с ситуации, которая впоследствии не играет никакой роли: «Жили старик со старухой. Жили-поживали, нашли себе сына, назвали его Ваней. Время идет, стал Ваня на возрасте. Отец начал приучать его к рыбальству. Ходят на лодочке в море рыбу ловить. Раз поднялся большой шторм, лодочку их и разбило. Как самих вынесло на берег, одному богу известно. Только с той поры заболел отец Иван, а вскоре — помер» [Бисеринка 1985, 3]. Еще один эпизод отражает процесс ловли рыбы и ее заготовки: когда кот с собакой добывают бисеринку у царевны, обратный путь их лежит по морю: «Она — бултых, и нет ее. Доплыли до берега. Уселись на берегу, стали думать, что им делать. Рыбаки ловили рыбу и тут же, на берегу, пластали¹ ее. Целый месяц собака и котик около рыбаков ходили. Котик внутренности рыбы потрошил. Поймали однажды рыбаки щуку, попластали, внутренности бросили. Котик стал потрошить. Глядь — а там бисеринка» [Там же, 6, 8]. В конце повествования Иван от-

казывается от царевны и женится на дочери рыбака.

Волшебная сказка «Иван Светильник» объединяет несколько сюжетных типов: СУС 301А, В *Три подземных царства* + СУС 300А *Бой на калиновом мосту* + СУС 530А *Свинка золотая щетинка*. В ней утрачен мотив чудесного рождения братьев, разрабатывающийся в других сказках, записанных на территории России, когда появление братьев обусловлено временем суток, и это кодируется в их именах. Так, например, в сказке, зафиксированной в Пудожском районе Карелии, семидесятилетняя старуха рождает трех сыновей: «Пришло время родов, она родила трех сыновей: одного — вечером, другого — в полночь, третьего — на зорьке утренней». Старик-отец отправляется к попу, чтобы получить благословение на имена, поп ему советует: «Ну и зови их Вечер, Полночь и Зорька» [Сказки Пудожья 1982, 80]. В сказке из сборника Т. И. Тумилевич коротко сообщается: «Жил царь с царицей. Живут они, а детей нет. Думали-думали, да и взяли себе чужую девочку. Выросла она, выдали ее замуж. Прошло время, родила она трех сыновей. Одного назвали Климом, другого Климой, а третьего Иваном Светильником. В тот же день и царица нашла себе трех дочерей. Одну назвали Машей, другую — Сашей, а третью — Катей-душой» [Бисеринка 1985, 9]. Все дальнейшие события связаны с этими персонажами: трех дочерей похищают три змея (с тремя головами, с шестью и с двенадцатью), Иван Светильник отправляется на поиски в подземную пещеру, где «тьма смертная была, а как Иван спустился — от волос его свет пошел» [Там же, 10]. В подземелье он очередно побеждает змеев рядом с медным, серебряным и золотым теремом (ср. с тремя царствами (медным, серебряным и золотым), более подробно о них: [Лызлова 2019]). Младшая сестра Катя, зная, что братья его обманут, вручает ему чумбур², благодаря которому появляется ко-

¹ Разделявали.

² Чумбур — длинный поводок с карабином на конце, который крепится к недоуздку; с его помощью привязывают лошадь, когда она находится в недоуздке.

нек-горбунок, способный вынести Ивана Светильника в свой мир. Перед этим Катя и ее спаситель обручаются: «Взял Иван уздечку, а потом и говорит: “Пойдешь за меня замуж?” — “Пойду, — говорит Катя, — как найду тебя?” — “Скажи отцу, что жених твой цыган, что живет в степи, в шатре. Пускай прикликает меня к себе”» [Бисеринка 1985, 14].

Иван Светильник благодаря коньку-горбунку³ оказывается на поверхности и разбивает шатер в степи, предусмотрительно испачкав себя сажей и порвав чекмень⁴. Царь, познакомившись с ним, дает трудные задачи женихам: добыть «свинью с двенадцатью поросятами, да чтоб на всех была золотая щетинка», «олениху с двенадцатью оленятами, да чтоб копыта у них золотые были», «золотую рыбу, да чтоб она речи говорила» [Там же, 14–16]. Иван Светильник становится обладателем этих диковинок с помощью конька-горбунка; братья выкупают их в обмен на мизинцы с правой руки, мизинцы с ноги, шкуры со спины. Правда выясняется на пиру, где цыгану отводится место у порога на скамеечке, а потчуют его костями. Царь назначает день свадьбы братьям Климу и Климке, а цыгану советует прийти свататься через год. После этого «пошел он на двор, дернул за чумбур, явился конек-горбунок. Влез он ему в левое ухо, а вылез через правое и стал сам собой — Иваном Светильником» [Там же, 16]. Сказка заканчивается свадьбами братьев на сестрах.

Волшебная сказка «Ванюша и Баба-Яга» соотносится с популярным сюжетным типом СУС 327С, F *Мальчик (Ивась, Жихарко, Лутонюшка) и ведьма*, известным в двух версиях: «ведьма заманивает мальчика к себе, подражая голосу матери; поручает своей дочке изжарить его или сама показывает, как надо садиться на лопату; мальчик засовывает в печь дочь ведьмы или ведьму; взбирается на дерево; гуси-

лебеди приносят его домой; в сказке типа 327F мальчик-рыбак ловит рыбу, сидя в лодке; ведьма перековывает свой грубый голос на тонкий и выдает себя за мать, принесшую еду» [СУС 1979, 120–121]. Обе версии известны со времен появления первого сборника русских сказок, подготовленного А. Н. Афанасьевым. Согласно сведениям СУС, они публиковались в многочисленных изданиях в разных регионах России. В сказке из сборника Т. И. Тумилевич объединяются обе существовавшие версии: в ней есть указание на то, что сын Ваня после смерти отца-казака «стал <...> помогать матери. Уйдет Ваня на байдочке⁵ в камыши и рыбалит до вечера» [Бисеринка 1985, 23]. Баба-Яга, узнав про то, что мать носит ему обед в полдень и приглашает с помощью ритмически организованной фразы (Ванюшенька, / Моя дитятка, / Твоя мать пришла, / Обед принесла), обращается к ковалю (кузнецу) с просьбой сковать ей тонкий голос. Мальчик оказывается у Бабы-Яги, которая передает его служанке и дает задание изжарить его в печке; Ваня сжигает служанку, сам поднимается на дуб, мимо которого пролетают гуси. «Один, самый маленький, подхватил Ванюшу и полетел, посадил его на родной курень⁶» [Там же, 24].

Помимо обозначенной выше ритмизованной фразы, которую произносят мать Вани и Баба-Яга, в сказке используются похожие конструкции: «Прибежала Баба-Яга, достала из печки служанку — повечерила⁷. На радостях стала по земле кататься: “Покатаюся, поваляюся / По Ванюшкиным косточкам”. А Ваня с дуба: “Покатайся, поваляйся / По служанкиным косточкам”. Глянула Баба-Яга на дуб, а на нем — Ваня. Стала она трясти дуб. В это время летели гуси мимо. Ваня просит: “Вы, гусюшки, / Вы, серые, / Отнесите меня / К моей матушке”» [Там же]. Все эти предложения выделяются с помощью

³ Характерен для другого сюжетного типа — СУС 531 *Конек-горбунок*. Ср. со сказкой П. П. Ершова «Конек-горбунок», см. подробно: [Корепова 2012, 283–337].

⁴ Чекмень — верхняя мужская одежда.

⁵ Байда — лодка.

⁶ Курень — казачий дом с четырехскатной крышей.

⁷ Поужинала.

стихотворных вставок, но, к сожалению, неизвестно, как они исполнялись (речитативом или песней).

Пожалуй, самая необычная волшебная сказка сборника — «Про царскую дочь и пастуха» — повествует о сыне старика и старухи с неожиданным для русской сказочной традиции именем Леон⁸ и не имеет соответствий в СУС. В тексте подчеркивается тема рыболовства, хотя герой является пастухом: «Вот раз отец и гутарит: “Поехали рыбалить, сынок”. — “Поехали, батюшка”. Целый день кидали в море сети, а под конец дня поймали только одну рыбину. “Ты, дите, постой, а я дров соберу”. Хотел пластать рыбу Леон, а рыбина говорит: “Не пластай меня, я тебе на время сгожусь”. Пустил Леон рыбину в море. В это время пришел отец и спрашивает: “Где рыбина?” — “Я, батюшка, в море ее выпустил”. — “Ах, ты, дурень!”. Взял палку, бросился на сына, а он — бежать» [Там же, 26]. Набор персонажей, встречаемых героем в ходе дальнейшего повествования, очень своеобразен: Леон разнимает дерущихся жуков, орлов и бирюков (волков) и получает в награду способность превращаться в них: «“Чем тебя благодарить?” — спрашивает один жук. “Ничего мне не надо”. Оторвал жук крылушку и гутарит: “Отщиплешь от крылушки малую кроху — жуком сделаешься”»; «Орел спрашивает: “Чего тебе дать?” — “Да мне ничего не надо”. — “Возьми мое перо, — сказал орел, — нужно будет, положишь под мышку и полетишь”»; «Бирюк спрашивает: “Чего тебе дать?” — “Ничего не надо”. — “Возьми от каждого из нас по волоску, оботрешься ими, будешь бирюком»» [Там же, 26, 27]. Схожий мотив используется в редком сюжетном типе СУС 665 *Скорый гонец*, где «юноша превращается в оленя, зайца и птичку; во время войны доставляет царю добытый им меч; во время его сна другой овладевает его

мечом, но истина выясняется; юноша женится на царевне» [СУС 1979, 172].

Далее в сказке из сборника Т. И. Тумилевич добавляется ситуация с трудной задачей ищущей жениха царевны, которая состоит в том, чтобы добыть теплое молоко барашка. С этим заданием справляется Леон, используя свою способность к превращениям, которая пригождается и в момент проникновения в комнату царевны в виде жука: «Пришла ночь, стал парень жуком, подлез под двери — очутился в палатах царской дочери, потом превратился в человека и поцеловал ее. Царевна зашумела: “Кто тут?”. Леон обратно в жука превратился. Прибегли до царевны люди, стали искать — никого не нашли. Леон так сделал на другую и на третью ночь. Когда в третий раз он нагнулся поцеловать, она опрокинулась⁹ и поцарапала ему лицо. На другой день царская дочь заявила: “Собрать всех бурлаков¹⁰»» [Бисеринка 1985, 29]. Царевна узнаёт Леона и соглашается выйти за него замуж, но слуги царя скидывают его в реку («Исполнили приказ царя: царю-то не хотелось, чтоб его дочь за чабана пошла» [Там же]), где его проглатывает пойманная им в начале сказки рыба. Чтобы увидеть спрятанного жениха, девушка создает из золота звезду, месяц и солнце, к ним проявляет интерес рыба: «Сделала она звезду из золота, села на корабль и в море отправилась. Нашла ту рыбину. Всплыла она, увидела звезду и гутарит: “Царская дочь, дай мне звезду”. — “Покажи, что у тебя в животе. Покажешь, дам звезду”. Рыбина показала голову парня. Царская дочь отдала звезду. На другой день сделала царская дочь золотой месяц — и обратно в море. Рыбина всплыла и говорит: “Дай мне месяц”. — “Покажи по пояс, что у тебя в животе”. Рыба показала, царская дочь отдала месяц. На третий день она сделала золотое солнце — и в море. Всплыла рыбина и

⁸ Имя Леон наводит на мысль о возможном иностранном источнике, хотя в традиции существует имя *Леонтий*. Герой с таким именем встречается в сказке казаков-некрасовцев «Парень и царская дочь» [Тумилевич 1961, 59–64 (№ 8)], которая не имеет абсолютно никаких сюжетных совпадений со сказкой из сборника «Бисеринка».

⁹ Вскочила.

¹⁰ Бурлак — здесь: неженатый парень.

просит: “Дай мне солнце”. — “Покажи мне всего человека, что у тебя внутри”. Рыбина показала. Люди царской дочери схватили Леона и на корабль вытянули» [Там же, 30]. Схожий мотив, связанный с вызволением жениха, представлен в сказках, относящихся к сюжетному типу СУС 432 *Финист ясный сокол*, где девушка отправляется искать суженого, «попадает в избушки сестер Ягишен, получает от них чудесные диковинки, которые потом обменивает у противницы на ночи с Финистом» [Добровольская 2019, 114].

Текст из сборника «Бисеринка» о Леоне имеет очень своеобразную концовку: после освобождения жениха «сыграли они свадьбу, построили себе дом, стали жить-поживать и добра наживать. А царь отрекся от дочери. Как-то я проходил мимо и спрашиваю царя: “Где же теперь твоя дочь?” — “Нету у меня дочери, осталась только чабанова¹¹ жена!”» [Бисеринка 1985, 30].

Сказка «Про сына купца и дочь сапожника» соотносится с редким новеллистическим сюжетом СУС 888А* *Плетельщик*: «сын купца (помещика) учится ремеслу плести пестери (кошелки, лукошки), чтобы заполучить в жены понравившуюся девушку; после свадьбы ее похищают; муж отправляется на поиски; через многие годы она его находит, увидев изготовленные им изделия» [СУС 1979, 225]. Вариант текста с тем же заглавием был опубликован в 1945 г. [Тумилевич 1945, 40–44 (№ 7)]. Имеются сведения, что сказка была записана от С. Ф. Шашкина, который «родился в 1854 г. Грамотен. Был ходоком в Россию по вопросу переселения некрасовцев из Турции, несколько раз бывал в Москве. Лучший песенник и сказочник среди казаков-некрасовцев. За последние три года потерял зрение, ослабела и память» [Там же, 120]. В комментарии к сказке Ф. В. Тумилевича отмечается, что «мотив женитьбы купеческого сына на дочери сапожника встречается у О. Э. Озаровской — “Пятиречь”. Л., 1931, № 1, стр. 22–29, — сказка “Верная жена”, в которой речь идет об отъезде куп-

ца в чужую страну в то время, как к его жене подсылается соблазнитель, но она остается верной». Составитель сборника, не определив сюжетный тип, делает заключение, что у казаков-некрасовцев «сказка самостоятельная» [Там же, 111].

В тексте из сборника Т. И. Тумилевич есть отсылки к части свадебного обряда — сватовству: сын купца Никита, которому понравилась дочь сапожника Татьяна, отправляет своих родителей свататься. «Отец-мать собрались, поехали. Пришли, стучат в ворота: “Разрешите в хату войти”. Из хаты отвечают: “Милости просим”. Вошли они в хату, поглядели — нет ли чужих людей, сели на лавку. Мать Никиты гутарит¹²: “Слыхали мы от добрых людей, что торгуете вы куницами”. Чеботарь¹³ отвечает: “Есть у нас куница — красная девица, да она еще на возрасте”. Мать Никиты говорит: “А у нас для вашей красной девицы-княгинюшки есть князь”» [Бисеринка 1985, 18–19]. Куница нередко фигурирует в приговорах свата или дружки в качестве символа невесты, которая после венчания именуется княгиней, а жених — князем (об этом см., например: [Кузнецова 1993; Гура 2011; Крашенинникова 2021; Гревцова 2022]).

Мотив сватовства матерью присутствует и в сказке «Про царскую дочь и козленка», относящейся к редкому сюжетному типу СУС 430 *Муж-осел (баран, козел, пес)*, где бездетные дед с бабушкой растят найденного козленка до восемнадцатилетнего возраста, и он проявляет магические способности: «Вот раз ребята в станице собрались в лес за дровами. Старуха им гутарит: “Возьмите и моего козленка”. Взяли ребята козленка. Приходят в лес. Нарубили дров, положили на фуры и поехали домой. А козленок остался в лесу. Поглядел вокруг — никого нет. Подошел к большому дубу, ударил рогами в ствол и сказал: “Иди, дуб, за мной”. Козленок идет, а дуб за ним. Увидали станичники такое дело, диву дали. А козленок идет в свой двор, дуб за ним. Влезли во двор, козленок приказыва-

¹¹ Чабан — пастух.

¹² Говорит.

¹³ Чеботарь — сапожник.

ет: “Дуб, попились, поколись и в кучу сложись”. Как он сказал, так все и сделалось» [Бисеринка 1985, 36–37]. Царская дочь, узнав о таком чуде, просит старуху отдать ей козленка, но та отказывает. Впоследствии козленок отправляет старуху свататься и получает задание от царя — построить дом лучше царского за сорок дней. Справившись с трудной задачей, он женится на царской дочери, а после свадьбы «отвели молодых во дворец. Остались молодые одни, козленок ударился об землю и превратился¹⁴ в парня пригожего». Его жена рассказывает обо всем матери: «“Ваня, пойдем к матери, я ей рассказала про твой секрет”. Услыхал Ваня такие слова, сделался опять козленком и побегал прочь от царской дочери. А она за ним. Он по лесам, по камышам, по горам — она следом. Много дорог исходила царская дочь за козленком, сохнуть стала. Вот раз она и говорит: “Ваня, не гони меня, я жена твоя”. Обняла его, стала целовать, а шкура-то козлиная и спала. Вернулся Ваня к жене, стали они жить-поживать» [Там же, 38].

Отсылки к свадебному обряду используются еще в одной сказке сборника — «Свадебный каравай». В тексте объединяются несколько сюжетных типов: начинается сказка с нарушения запрета — Иван-царевич дает напиться воды пленному Кощею, который похищает мать-царицу; сын отправляется на поиски и по пути щадит волка, орла, рака (СУС 554 *Благодарные животные*); узнав, где спрятана смерть похитителя, Иван добывает заветное яйцо и одерживает победу над Кошеем (СУС 302, *Смерть Кощея в яйце*). Далее текст осложняется введением эпизода, более характерного для сюжетного типа СУС 313А, В, С *Чудесное бегство*, где герою требуется отдать то, чего он дома не знает: «Пошел Иван-царевич с матерью домой. По дороге встретили старичка. Узнал он про смерть Кашееву, говорит Ивану: “Хорошее ты дело сделал. Вот тебе сундучок, откроешь, когда домой придешь”.

Не утерпел царевич. Дай, думает, погляжу, что в сундучке? Открыл, а из сундучка вылетел город и стал на пути. Пригорюнился Иван. Откуда ни возьмись — старичок: “Что пригорюнился, добрый молодец?”. Тот ему пожалился¹⁵. Старик говорит: “Помочь тебе можно. Только за помощь отдашь мне то, чего ты дома не знаешь”. Подумал Иван-царевич и согласился. Не знал он, что дома у него родилась дочь» [Бисеринка 1985, 34]. Спустя восемнадцать лет старик (колдун) приходит за обещанным в тот момент, когда дочь выдают замуж, и здесь вводится необычный персонаж: «Стал садиться старик на женихово место, а каравай не пускает: “Кто ты такой?” — говорит старик. “Я каравай, защитник молодых!” — “А я колдун”. — “Хоть ты и колдун, а со мной сравниться не можешь. Меня зерном в землю сеяли, когда я вырос — цепями молотили, на мельнице мололи в пылинку. Тесто кулачищами мешали, в огне печено. И ни одна свадьба не празднуется без меня”. Колдун согласился: “Ты сильнее меня. Я таких мук не смогу вынести”. Отступился старик от невесты» [Там же, 34–35]. О значении каравая как необходимого свадебного атрибута см.: [Гура 2011, 239–254; Гревцова 2013, 174–178].

Волшебная сказка «Танюша и мачеха» принадлежит к широко распространенному сюжетному типу СУС 480 *Мачеха и падчерица*, в одной из версий которого речь идет о том, как «падчерицу увозят в лес; Морозко (Баба-Яга, леший, в укр<аинских> текстах чаще — кобылячья голова) испытывает девушку и награждает ее» [СУС 1979, 140]. В сказке из сборника Т. И. Тумилевич дочь получает предсмертный наказ от матери: «“Когда я умру, отец, может, на другой женится, а у ней будет своя дочь. Мачеха не захочет тебя держать, скажет отцу, чтобы в лес отвез. Ты, доченька, набери себе камушков и, как поедете с отцом в лес, кидай камушки на дорогу. По ним домой путь найдешь”» [Бисеринка 1985, 40]. События

¹⁴ В русской сказочной традиции распространен сюжетный тип СУС 450 *Братец и сестрица*, где «братец, идя с сестрицей по дороге, пьет воду из-под козлиного копыта и превращается в козленка» [СУС 1979, 135].

¹⁵ Пожаловался.

развиваются так, как предсказала мать. Отец отвозит дочь в лес и советует ей забраться на дерево, ночью к дереву приходит бес и предлагает Тане выйти за него замуж: «Девка, девка, пойдешь за меня замуж?» — «Пойду». — «Слазь». — «Не могу, я не убрастая. Принеси мне рубаху узорчатую, балахон шелковый, завеску с махрами, кокошник с камнями» [Там же, 41]. Девушка просит у беса другие свадебные атрибуты: золотую повозку, гребень, чтобы расчесать косу, махор¹⁶, монисты. Утром, с рассветом «кочеты за кукарекали — бес и пропал. Слезла с дерева Танюшка, положила в золотую повозку добро, села и поехала. Едет по дороге, а сама смотрит на камушки» [Там же, 43]. Мачеха, увидев богатство падчерицы, отправляет в лес родную дочь, которая погибает: «...шла, шла по дороге, а навстречу ей волки. Загрызли они ее. А мачеха и теперь еще ждет свою дочь» [Там же, 44].

О взаимоотношениях мачехи и падчерицы повествует и сказка «Черная коровушка и Аннушка», относящаяся к сюжетному типу СУС 511 *Чудесная корова*, содержание которого сводится к следующему: «...сирота должна пасти скотину и делать непосильную работу; ей помогает корова; хозяйские (мачехины) дочери (одноглазка и трехглазка) подсматривают и добиваются того, что корову убивают; из косточек коровы вырастает дерево, плоды которого может рвать только сирота — перед другими ветви поднимаются вверх; сирота становится женой царевича» [СУС 1979, 146]. В сказке из сборника Т. И. Тумилевич сюжетная схема реализуется не полностью: новая жена отца задает падчерице трудные задачи (вышить «мужинскую» рубаху, сшить чекмень, а затем «красные портки») и обращается к дочерям с просьбой следить за Анной; корова помогает справиться с заданиями; дочери усыпляются с помощью заговаривания: «Усни, глазок, / Усни, другой, / Усни, мачехина дочь, / Усни, моя супротивница» [Бисеринка 1985, 46].

Падчерица выполняет задания и приносит их мачехе, которая заболевает от удивленного: «...прошло малое время — мачеха от злости и померла. А старик с Аннушкой и по сию пору живут себе хорошо да радуются» [Там же, 48].

Сказка о животных «Кот и лиса» принадлежит к сюжетному типу СУС 103 *Кот и дикие животные*, где «лиса выдает кота за сильного зверя; звери хотят кота задобрить, но, напуганные его видом и повадками, разбегаются» [СУС 1979, 66]. По сведениям указателя, сказки данного сюжетного типа достаточно популярны и представлены уже в сборниках А. Н. Афанасьева, А. А. Эрленвейна, Д. Н. Садовникова и др. Варианты были опубликованы и в фольклорных сборниках, посвященных казакам-некрасовцам [Тумилевич 1945, 25–27 (№ 3); Тумилевич 1958, 72–76 (№ 5); Тумилевич 1961, 35–38 (№ 1)].

В сказке, опубликованной Т. И. Тумилевич, дед и бабка вынуждены избавиться от своего кота, названного «Бромбеус»¹⁷ о двенадцати ус, поскольку он «такой шкодливый, такой воровливый — прямо беда. То каймак¹⁸ поест, то сметану, то скрадет еще что-нибудь с краю» [Бисеринка 1985, 49]. Дед отвозит кота в лес, и тот встречается с лисой, которая, услышав от него, что он «кот Бромбеус о двенадцати ус, поведу усами — звери падают сами» [Там же], зовет его жить к себе. Лесные звери (волк, заяц, медведь и кабан), узнав от лисы, что кот «всем зверям царь, всем зверям государь», решают задобрить кота, пригласив его на обед. Резвый заяц сообщает лисе о приглашении кота: «...сказал заяц — и наутек. Забился в терн, кабан закопался в листья, волк залез в берлогу, а медведь влез на дуб. Пришел кот, сел на казан с мясом, ест и мурчит: “Мяур, мяур”. А те слышат: “Мало сварили, мало сварили”». Повернулся кабан в листьях — хотел хоть глазом на кота глянуть, а тот как прыгнет, хват за хвост — и оторвал. Медведь с испугу упал с дуба,

¹⁶ *Махор* — украшение из серебряных пластин, которые вплетают в конец девичьей косы.

¹⁷ Ср.: барон Брамбеус — псевдоним писателя, критика, редактора журнала «Библиотека для чтения» О.-Ю. И. Сенковского (1800–1858).

¹⁸ *Каймак* — молочный продукт.

все ребра помял, волк душится в берлоге — боится пошевелиться, заяц ударился бежать, все когти посорвал по терну. А кот забрал мясо, пришел к лисе, так и стали они жить» [Там же, 51].

Еще одна сказка о животных — «Казак и лиса» не имеет соответствий в СУС, условно сюжетный тип можно обозначить как «Лиса в курятнике». Отдаленно текст напоминает басню И. А. Крылова «Лиса-Строитель» (ср. одноименный мультипликационный фильм 1950 г.). В сказочном варианте хитрая лиса притворяется уставшей и хромой и просит казака пройти через его двор; в курятнике она схватывает петуха, но собака казака ее настигает. В тексте предлагается подробное описание деятельности казака и его хозяйства: «возле куреня казак сидит, сапоги тачает. Увидала его лиса — шасть под кочку. Притаилась, а глаза во дворе. За плетнем куры в золе гнездятся, утки в ушате плещутся, индейки у колодца кулдыкают» [Бисеринка 1985, 52]. В сказке упоминаются донские реалии: околица¹⁹, гумно²⁰.

Завершает сборник небольшая сказка о животных «Глупец и жеребец», относящаяся к распространенному сюжетному типу СУС 163 *Пение волка (реже — медведя)*: «волк песней выманивает у старика животных (овцу, курочку, телку), пытается съесть старуху (выманить внучку)» [СУС 1979, 80]. Сказка имеет кумулятивную (цепевидную) структуру и часто встречается под названием «Соломенный хлевек». В фольклорных вариантах, как правило, используются ритмизованные вставки, которые поются исполнителем: «Вот медведь и пошел. Пришел, сел под окошечко и запел: “Старичок да старушка, / Паренек да девúшка, / У вас семеро овечек / Да соломенный хлевечек, / Дайте-ко овечку съесть”» [Сказки Поморья 1974, 317]. В тексте из сборника Т. И. Тумиле-

вич эти детали утрачены, хотя в некоторых частях повествования сохраняется определенный ритм: «Жил жилец, под кустиком дворец, у него было пять овец и шестой жеребец, бабушка да дедушка, паренек да девушка»; «Вернулся жеребец домой — они и сейчас все живут, хлеб-соль жуют. Я у них недавно бывал, всех живыми видал. Этой сказке конец, кому меда корец, кому щей горшок, а кому денег мешок» [Бисеринка 1985, 55].

Таким образом, в сборнике «Бисеринка» представлены интересные сказки, отражающие донскую казачью фольклорную традицию. Они принадлежат к числу нескольких жанровых разновидностей (волшебные сказки, о животных, новеллистические), относятся к редким сюжетным типам или демонстрируют необычные версии известных сказок. Отдельные тексты не имеют соответствий в указателе СУС, что, впрочем, отмечалось и в сборниках Ф. В. Тумилевича, касающихся казаков-некрасовцев. Волшебные сказки издания относятся как к «мужским», так и к «женским», в зависимости от того, к какому полу принадлежит главный персонаж. Все тексты наполнены диалектными словами и бытовыми деталями, связанными как с деятельностью жителей Дона (прежде всего рыболовством — «рыбальством»), так и с повседневной и праздничной одеждой, украшениями. В некоторых сказках находят отражение отсылки к разным частям свадебного обряда. Безусловно, сборник «Бисеринка», подготовленный Т. И. Тумилевич, дополняет сведения о донской казачьей и — шире — южнорусской сказочной традиции. Он содержит уникальные тексты и, несмотря на значительный тираж — 100 тысяч экземпляров, вполне достоин переиздания спустя сорок лет после своего появления.

Коренной 1918 — Коренной П. О. Заонежские сказки. Петрозаводск: Тип. Олонецкого губ. отдела нар. образования, 1918.

Источники и материалы

Бисеринка 1985 — Бисеринка: Сказки, записанные на Дону / Сост. Т. И. Тумилевич. Ростов н/Д: Ростов. кн. изд-во, 1985.

¹⁹ Околица — край деревни.

²⁰ Гумно — огороженное место для сжатого хлеба.

Сказки Поморья 1974 — Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова и Т. И. Сенькина. Петрозаводск: Карелия, 1974.

Сказки Пудожья 1982 — Русские народные сказки Пудожского края / Сост. А. П. Разумова и Т. И. Сенькина. Петрозаводск: Карелия, 1982.

СУС 1979 — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979.

Тумилевич 1945 — Сказки казаков-некрасовцев / Зап., вступ. ст. и коммент. Ф. В. Тумилевича. Ростов н/Д: Ростов. обл. книгоизд-во, 1945.

Тумилевич 1958 — Русские народные сказки казаков-некрасовцев / Собр. Ф. В. Тумилевичем. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1958.

Тумилевич 1961 — Тумилевич Ф. В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1961.

Чистов 1958 — Перстенок — двенадцать ставешков / Сост. К. В. Чистов. Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР, 1958.

Исследования

Гревцова 2013 — Гревцова Т. Е. Каравай как обрядовая реалья и культурный термин в свадьбе донских казаков // Стратегическое планирование в полиэтничном макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста

напряженности: Матер. Всерос. науч. конф. (3–4 октября 2013 г., Ростов на-Дону) / Отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 174–178.

Гревцова 2022 — Гревцова Т. Е. Свадебный обряд донских казаков: ареальное исследование. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022.

Гура 2011 — Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2011.

Добровольская 2019 — Добровольская В. Е. Сказка «Финист Ясный Сокол» (СУС 432) в русской фольклорной традиции и авторской литературе // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 5. С. 113–127.

Корепова 2012 — Корепова К. Е. Русская лубочная сказка. М.: ФОРУМ, 2012.

Крашенинникова 2021 — Русские свадебные приговоры в архивных коллекциях XIX — первой трети XX в. / Сост., подгот. текстов, вступ. ст., коммент. Ю. А. Крашенинниковой. М.: Индрик, 2021.

Кузнецова 1993 — Кузнецова В. П. Причитания в северно-русском свадебном обряде. Петрозаводск: Кар. науч. центр, 1993.

Лызлова 2019 — Лызлова А. С. Сказки о трех царствах (медном, серебряном и золотом) в лубочной литературе и фольклорной традиции // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 1. С. 26–44.

© А. С. Лызлова, 2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лызлова А. С. <https://orcid.org/0000-0002-0634-706X>

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН: Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11; тел. +7 (8142) 78-18-86; e-mail: alyzlova@mail.ru

On Fairy Tales Not Covered in the CIP: “Biserinka” (1985), the Collection by T. I. Tumilevich

Anastasia S. Lyzlova

(Institute of Linguistics, Literature and History of the the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences: 11, Pushkinskaya str., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation)

Summary. 2025 is forty years since the publication of the volume entitled “Biserinka,” a book of fairy tales compiled by T. I. Tumilevich, the well-known folklorist from Rostov-on-Don. The edition appeared after the release of the Russian Comparative Index of Plots (or CIP, compiled by L. G. Barag et al., 1979) and so is not included in the list of works and plots it covers. “Biserinka” is a collection meant for younger readers and includes twelve fairy tales recorded over thirty years

in the second half of the twentieth century (from 1954 to 1984), when the fairy tales could still be heard in active use. The texts fit the general Russian folktale tradition and belong to several genres (tales of magic, animal tales, realistic/romantic tales) that differ in plots and linguistic features; these are documented in the dictionary included in the book. Many tales in the volume reiterate elements of the wedding ceremony and its attributes or reflect the daily life of the Don Cossacks (primarily fishing). The texts contain unique information about Cossack holiday and everyday clothing and jewelry. This article undertakes to examine each tale in “Biserinka” in reference to the Comparative Index of Plots and may be regarded as an addition to it.

Key words: Don folktale tradition, T. I. Tumilevich, collected volume, “Biserinka,” Cossacks.

Acknowledgements. The study was funded from the federal budget as part of the state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

Received: December 2, 2024.

Date of publications: March 25, 2025.

For citation: Lyzlova A. S. On Fairy Tales Not Covered in the CIP: “Biserinka” (1985), the Collection by T. I. Tumilevich. *Traditional Culture*. 2025. Vol. 26. No. 1. Pp. 153–163. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2025.26.1.012

References

Grevtsova T. E. (2013) Karavai kak obryadovaya realiya i kul'turnyi termin v svad'be donskikh kazakov [“Karavai” as a Ritual Element and Cultural Term in Weddings of the Don Cossacks]. In: Strategicheskoe planirovanie v polietnichnom makroregione v usloviyakh neravnomernogo razvitiya i rosta napryazhennosti: Mater. Vseros. nauch. konf. (3–4 oktyabrya 2013 g., Rostov-na-Donu) [Strategic Planning in a Multi-Ethnic Macro-Region in the Context of Uneven Development and Growing Tensions]. Ed. by G. G. Matishev. Rostov-on-Don: Izd-vo YUNTS RAN. Pp. 174–178. In Russian.

Grevtsova T. E. (2022) Svadebnyi obryad donskikh kazakov: areal'noe issledovanie [The Wedding Rite of the Don Cossacks: A Spacial Study]. Rostov-on-Don: Izd-vo YUNTS RAN. In Russian.

Gura A. V. (2011) Brak i svad'ba v slavyanskoi narodnoi kul'ture: semantika i simvolika [Marriage and Wedding in Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolism]. Moscow: Indrik. In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (2019) Skazka “Finist Yasnyi Sokol” (SUS 432) v russkoi fol'klornoi traditsii i avtorskoi literature [The Fairy Tale

“Finist the Bright Falcon” (CIP 432) in the Russian Folklore Tradition and Literature]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2019. Vol. 20. No. 5. Pp. 113–127.

Korepova K. E. (2012) Russkaya lubochnaya skazka [The Russian Lubok Fairy Tale]. Moscow: FORUM. In Russian.

Krashenninnikova Yu. A. (comp.) (2021) Russkie svadebnye prigovory v arkhivnykh kollektsiyakh XIX — pervoi treti XX v. [Russian Wedding Sentences in Archival Collections of the Nineteenth — First Third of the Twentieth Century]. Moscow: Indrik. In Russian.

Kuznetsova V. P. (1993) Prichitaniya v severnorusskom svadebnom obryade [Lamentations in the Northern Russian Wedding Rite]. Petrozavodsk: Karelskii nauchnyi tsentr. In Russian.

Lyzlova A. S. (2019) Skazki o trekh tsarstvakh (mednom, serebryanom i zolotom) v lubochnoi literature i fol'klornoi traditsii [Fairy Tales about Three Kingdoms (Copper, Silver and Gold) in Lubok Literature and the Russian Folk Tradition]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of Historical Poetics]. 2019. Vol. 17. No. 1. Pp. 26–44. In Russian.

© A. S. Lyzlova, 2025

ABOUT THE AUTHOR

Anastasia S. Lyzlova <https://orcid.org/0000-0002-0634-706X>

E-mail: alylzlova@mail.ru

Tel: +7 (8142) 78-18-86

11, Pushkinskaya str., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation

PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)